

А.И. Красницкий

Слезы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.И. Красницкий**
Слезы / А.И. Красницкий – М.: Книга по Требованию, 2015. – 128 с.

ISBN 978-5-517-83641-0

Слезы. Повесть для юношества из гимназического быта.

ISBN 978-5-517-83641-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Тяжелое, гнетущее впечатлѣніе начало изглаживаться. За партами послышался сперва тихій шепотъ, а потомъ сдержанное хихиканье, но какъ разъ въ это время дежурный у дверей громко крикнулъ: — Те! Иванъ Васильевичъ!

Тотчасъ вслѣдъ за этимъ на порогѣ появился класный наставникъ этого класса Иванъ Васильевичъ Бѣлковъ.

Иванъ Васильевичъ былъ преподавателемъ математики. Наставникъ онъ былъ очень строгій, не любившій давать потачку шалунамъ и лѣнтяямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всей гимназій была извѣстна его безусловная справедливость. Для Бѣлкова всѣ его ученики были равны. «Любимцевъ» у него не было, и это очень возвышало суроваго съ виду наставника въ глазахъ воспитанниковъ. Они его если и не любили, то во всякомъ случаѣ искренно уважали, чувствовали къ нему безусловное довѣріе и никогда не боялись сознаваться ему вполнѣ чистосердечно въ своихъ шалостяхъ и проступкахъ.

Теперь лицо Ивана Васильевича, при входѣ въ классъ, явно отражало на себѣ негодованіе, которое онъ даже не желалъ скрывать.

— Затворите двери! — приказалъ дежурному на ходу Бѣлковъ и торопливыми шагами подошелъ къ каедрѣ.

За каедрой, на ея помостѣ, лежалъ на боку учительскій стулъ. Это былъ обыкновенный такъ называемый «вѣнскій» стулъ изъ буковаго дерева съ плетенымъ сидѣніемъ. Одной ножки у него не было. Эта ножка валялась тутъ-же на помостѣ. Бѣлковъ нагнулся, поднялъ ее и сталъ внимательно разсматривать. Слѣдовъ случайнаго полома не было замѣтно. Напротивъ казалось, что дерево кѣмъ-то было перепилено, и перепилено очень тщательно и осто-

рожно какъ разъ на самой половинѣ длины ножки. Иванъ Васильевичъ поднялъ стулъ и тоже не менѣе внимательно оглядѣлъ его. Осмотръ подтвердилъ предположеніе. Сомнѣнія быть уже не могло. Всѣ признаки злого умысла были на лицо. Ножка учительскаго стула была, дѣйствительно, кѣмъ-то подпилена и сломалась отъ тяжести грузно опустившагося на сидѣнье человѣка

Бѣлковъ укоризненно покачалъ головой и тяжело вздохнулъ.

— Господа! — обратился онъ къ классу, — кто изъ васъ сдѣлалъ эту гадость?

Отвѣта не послѣдовало.

Мальчики съ тревогой и недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга, но молчали, очевидно, не зная, что отвѣчать.

— Господа! Еще разъ спрашиваю, — возвысилъ голосъ классный наставникъ, — кто изъ васъ рѣшился сдѣлать зло Ѳедору Васильевичу? Вѣдь, кто-то изъ васъ только благодаря счастливому случаю не совершилъ преступленія! Ѳедоръ Васильевичъ, слава Богу! только ушибся — очень сильно ушибся, но, вѣдь, могло быть хуже. Падая съ каедръ, онъ могъ разбиться на смерть. Подумайте объ этомъ: Ѳедоръ Васильевичъ — старый человѣкъ — много ли ему нужно. Что онъ вамъ сдѣлалъ? За что? Скажите мнѣ, за что?

Опять во всемъ классѣ никто не проронилъ ни слова.

— Вы молчите?! — раздражился Бѣлковъ, — что это значитъ? Безъ сомнѣнія, между вами есть негодяи или, по крайней мѣрѣ, негодяй. Стулъ подпильенъ. Само собой, — это и вы понимать должны, — ничего подобнаго произойти не могло. Кто это сдѣлалъ — негодяй! Но я вѣрить не хочу, чтобы всѣ вы были такими. Я не хочу, да, не

хочу вѣрить этому Я съ перваго класса, вотъ уже третій годъ, веду васъ Среди васъ были шалуны, лѣнивцы, но негодяевъ не было До сихъ поръ я былъ увѣренъ въ этомъ! Неужели-же я ошибся? Да отвѣчайте-же, наконецъ, хотя что-нибудь!

— Иванъ Васильевичъ! — раздался голосъ съ средней парты — говорилъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ Михаилъ Кормилицынъ, — если бы мы только знали, кто это сдѣлалъ, мы наказали-бы его сами!

Въ голосѣ мальчика слышалось искреннее негодованіе.

— Не можетъ быть, чтобы вы не знали! — съ раздраженіемъ топнувъ ногой, крикнулъ ему Бѣлковъ, — вы, просто, не хотите выдавать негодя Сейчасъ явится сюда инспекторъ, я положительно не знаю, что и говорить ему Лучше самъ сознайся, кто это сдѣлалъ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! — послышались голоса, — мы, право, не знаемъ Мы любимъ Федора Васильевича, онъ — добрый если бы мы знали

— Но долженъ-же быть кто-нибудь виновникомъ? Неужели-же у него не хватаетъ духу сознаться Вѣдь, это не только глупо, но даже недостойно человѣка А вотъ и инспекторъ!

Дверь въ классъ быстро отворилась.

Такъ-же торопливо, какъ и Бѣлковъ, вошелъ инспекторъ N-ской гимназіи Петръ Матвѣевичъ Михайловъ, уже пожилой человѣкъ съ сердитымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Онъ казался очень взволнованнымъ, и не только взволнованнымъ, но и озлобленнымъ. Нахмуренныя густыя брови совсѣмъ скрыли подъ собою глаза, губы замѣтно дрожали, плечи нервно подергивались.

— Не сознаются? — спросилъ онъ у Бѣлкова, кивая головой на замершихъ въ трепетномъ ожиданіи воспитанниковъ.

Иванъ Васильевичъ отрицательно покачалъ головой.

— Врядъ-ли они и сами знаютъ! — тихо сказалъ онъ въ отвѣтъ.

Инспекторъ желчно засмѣялся.

— Не знаютъ! Кто же тогда знаетъ? Не мы-ли съ вами? — громко произнесъ онъ. — Позоръ! позоръ! Говорите, кто это сдѣлалъ! — закричалъ Петръ Матвѣевичъ, обращаясь уже къ классу.

Отвѣта не было.

Мальчики испуганно переглядывались, но молчали по-прежнему.

— А, вы не хотите сознаться! — уже совсѣмъ разсердился инспекторъ. — Весь классъ остается на три часа послѣ уроковъ и будетъ оставаться такъ каждый день, пока не отыщется негодникъ. А теперь слушайте еще Вашу жертву, Ѳедора Васильевича, унесли домой въ глубокомъ обморокѣ докторъ говорить, что его положеніе опасно. Довольны вы? Радуйтесь!

Съ этими словами Петръ Матвѣевичъ круто повернулся и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ класса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ѳедоръ Васильевичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день на послѣднемъ урокѣ произошло счень печальное и даже позорное для N-ской гимназіи событіе.

Послѣднимъ въ этотъ день былъ урокъ нѣмецкаго языка. Преподавалъ его въ N-ской гимназіи Ѳедоръ

Васильевичъ Иогансенъ, общій любимецъ всѣхъ гимназистовъ.

Федоръ Васильевичъ былъ уже старикъ, но рѣдко когда такъ ярко выражалось въ комъ-бы то ни было свойственное старости добродушіе, какъ въ этомъ человѣкѣ. Это было не столько добродушіе, сколько пламенная любовь къ дѣтворѣ. Старый учитель, всю свою долгую жизнь посвятившій дѣтямъ, какъ будто бы былъ созданъ для своего назначенія. Въ молодости дифтеритъ унесъ двоихъ его малютокъ, и вотъ Федоръ Васильевичъ перенесъ всю ту любовь, какую питалъ къ своимъ дѣтямъ, на чужихъ. Онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе подрастающему человечеству, отдалъ ему всего себя и былъ счастливъ только тогда, когда кругомъ него бывали дѣти. Для него не было ни дурныхъ, ни хорошихъ дѣтей — всѣ были одинаково милы и дороги его кроткому, любвеобильному сердцу. Послушные и упрямцы, прилежные и лѣнивцы, способные и бездарные, ласковые и по природѣ грубые, красивые и безобразные — всѣ, всѣ безъ исключенія могли рассчитывать встрѣтить въ старикѣ искренняго, преданнаго друга, всегда въ каждую минуту и по каждому поводу готоваго притти на помощь, — притти совершенно безкорыстно, не ожидая благодарности. И дѣти знали это. Ихъ чуткая душа прозорлива. И врага, и друга они чувють инстинктомъ. Чувства не въ ихъ еще волѣ. Они не въ состояніи заставить себя искренно любить или ненавидѣть — это приходитъ позже, съ лѣтами, но пока жизнь еще далека отъ ребенка, всѣ его впечатлѣнія непосредственны, его не обманешь никакой личиной. Федоръ-же Васильевичъ въ своей любви былъ вполнѣ искрененъ — онъ всею душою любилъ дѣтвору, и дѣтвора платила ему той-же монетой

Между тѣмъ старикъ Иогансенъ вовсе не принадлежалъ къ тому типу учителей, которыхъ гимназисты считаютъ «хорошими». Нѣтъ, онъ былъ щедръ и на единицы, и на двойки. Но дѣло въ томъ, что этотъ учитель отъ своихъ учениковъ требовалъ добросовѣстнаго труда, основательныхъ знаній, и каждая его отмѣтка являлась вполне справедливой оцѣнкой этихъ знаній. Дѣти чужали и это. Они знали, что Ѳедоръ Васильевичъ былъ такъ же щедръ и на «пятки», какъ и на «колы», что единица, полученная сегодня за плохо приготовленный урокъ, нисколько не помѣшаетъ получить высшую отмѣтку завтра или послѣзавтра, если и урокъ добросовѣстно приготовленъ, и все пройденное основательно изучено. Это вело только къ тому, что ученики Ѳедора Васильевича блистательно знали нѣмецкій языкъ, учились ему охотно и старались только объ одномъ: не огорчить своимъ незнаніемъ стараго учителя.

Другіе учителя въ глубинѣ души завидовали Иогансену, его успѣхамъ въ классѣ, но никто не давалъ себѣ труда послѣдовать его примѣру и стать для учениковъ, тѣмъ, чѣмъ сталъ для нихъ этотъ добрый старичекъ.

Наружность Ѳедора Васильевича не вполне соответствовала его душѣ, кроткой и любвеобильной.

Онъ былъ очень невысокъ ростомъ, съ маленькимъ тѣломъ и круглой головой. Волосы его, на головѣ и бородѣ, были сѣдые, рѣдкіе, такъ сказать «облѣзлые»; цвѣтъ лица сѣроватый, какъ и у всѣхъ людей, проводящихъ свою жизнь въ каменныхъ зданіяхъ съ зараженнымъ углекислотою воздухомъ. Высокій лобъ былъ весь испещренъ морщинами; подъ глазами висѣли кожные мѣшечки — несомнѣнный признакъ наступившей старости, но глаза стараго учителя сіяли юношескимъ блескомъ. Это былъ особый блескъ. Не-

добрыхъ зловѣщихъ огоньковъ никто никогда не видалъ въ глазахъ старика даже тогда, когда онъ начиналъ сердиться. Напротивъ того, въ этомъ случаѣ глаза его оставались совершенно спокойными. Они даже какъ будто улыбались, въ то время, когда старикъ повышалъ голосъ, насильно стараясь придать ему оттѣнки гнѣва. Но за то, когда Ѳедоръ Васильевичъ бывалъ чѣмъ-нибудь доволенъ, глаза его начинали лучиться и сіять. Въ нихъ такъ и свѣтились радость, удовольствіе, счастье. Въ классѣ это бывало чаще всего тогда, когда малоспособный ученикъ вдругъ оказывалъ успѣхи и усваивалъ безъ особыхъ затрудненій объясненія учителя. Тогда старикъ положительно становился привлекательнымъ, и весь классъ замиралъ, любуясь на его озаренное свѣтомъ счастья лицо.

Несмотря на солидную пенсію за выслугу лѣтъ, на усердный постоянный трудъ, Іогансенъ былъ очень небогатъ. Мало того что небогатъ, онъ былъ почти бѣденъ. Ему едва хватало учительскаго жалованья даже на насущныя потребности, хотя эти потребности и у Ѳедора Васильевича, и у его супруги Марфы Игнатьевны (Іогансенъ былъ женатъ на русской) были очень невелики. Квартирка въ четыре очень небольшихъ комнатки, убранныхъ безъ всякой претензіи на роскошь, почти убого, обѣдъ изъ двухъ самыхъ незатѣйливыхъ блюдъ, чай дважды въ день — вотъ все, что имѣли для существованія два старика: Ѳедоръ Васильевичъ и его супруга. Все это не могло стоить дорого, но и въ этомъ необходимомъ часто случалась нужда. Куда-же тогда дѣвали всѣ деньги старики? Никто этого не зналъ. Директора гимназій, гдѣ учительствовалъ Іогансенъ, только догадывались, если получался пакетъ отъ «неизвѣстнаго» съ деньгами, назначенными за ученіе выключаемаго изъ гимназіи

за неплатежъ ученика, что эти деньги идутъ не отъ кого другого, какъ отъ Ѳеодора Васильевича, но дальше догадокъ никто не шелъ. Тайна «неизвѣстнаго» сохранялась свято. Самъ Ѳеодоръ Васильевичъ очень не любилъ, если его спрашивали, куда онъ дѣваетъ свои средства.

— Даю мои деньги въ долгъ подѣ проценты, — отрѣзывалъ обыкновенно онъ, если къ нему начинали приставать съ подобными вопросами.

Конечно никто изъ знавшихъ Іогансена не могъ даже повѣрить подобному объясненію, но такъ какъ Ѳеодоръ Васильевичъ упорно отвѣчалъ на всѣ вопросы одно и то же, то въ концѣ концовъ его оставили въ покоѣ, но тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени, благодаря этимъ словамъ, создалась легенда, и были люди, не въ шутку считавшіе старика ростовщикомъ, хотя никто никогда не могъ-бы указать его жертвъ .

Чтобы закончить характеристику Ѳеодора Васильевича, остается сказать очень немного.

То, что онъ былъ «нѣмецъ», нисколько не мѣшало ему быть не только русскимъ, но и даже православнымъ. Еще дѣдъ Іогансена родился въ Россіи и женился на обрусѣвшей нѣмкѣ. Уже онъ былъ православнымъ, но благодаря женѣ въ его семействѣ поддерживались нѣмецкія традиціи. Дѣти воспитывались на нѣмецкій ладъ и хотя были вполне русскими и по рожденію, и по духу, и по вѣрѣ, но сохраняли въ себѣ всѣ отличительныя черты германскаго племени. Въ Ѳеодорѣ Васильевичѣ черты эти значительно смягчились. Мать его была коренная русская, и отъ нея онъ позаимствовалъ безграничное славянское добродушіе и искреннюю любовь къ ближнему, кто-бы онъ ни былъ по происхожденію.

Россію Ѳеодоръ Васильевичъ любилъ горячо, хотя эта любовь была вполне разумна и чужда всякаго кваснаго патріотизма. Это была нѣжная любовь до-

браго сына къ доброй матери, любовь безкорыстная, хотя и не ослѣпляющая. Поэтому-то Ѳедоръ Васильевичъ и любилъ такъ пылко дѣтей. Онъ видѣлъ въ нихъ будущихъ гражданъ своей родины. Классы въ тѣхъ школахъ, гдѣ онъ учительствовалъ, были для него нивой, на которой всходили новые побѣги, и Иогансенъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы эти побѣги не превратились въ плевелы, а выросли и стали вполне достойными того великаго назначенія, какое суждено имъ по Божьей волѣ на землѣ.

Таковъ былъ Ѳедоръ Васильевичъ Иогансенъ, преподаватель нѣмецкаго языка въ N-ской классической гимназiи.

Съ нимъ-то и случилось совершенно неожиданное, ничѣмъ не объяснимое и позорное для гимназiи происшествiе.

Когда аккуратно минуто спустя послѣ звонка, возвѣстившаго конецъ послѣдней десятиминутной перемѣны, Ѳедоръ Васильевичъ входилъ въ третiй классъ, его встрѣтилъ радостный гулъ. Гимназисты въ мгновение окружили его, какъ и всегда, тѣснымъ кольцомъ. Одинъ протягивалъ тетрадку съ пересказанной по собственной иниціативѣ нѣмецкой басней, другой просилъ учителя спросить его изъ всего пройденнаго, чтобы «дать поправиться» въ полученномъ на предыдущемъ урокѣ неудовлетворительномъ баллѣ, третiй заявлялъ, что на этотъ разъ онъ не приготовилъ урока и обѣщалъ непременно приготовить его къ другому дню. Словомъ, у каждаго было какое-нибудь дѣло къ любимому учителю. Такъ бывало всегда и въ каждомъ классѣ, куда приходилъ старикъ. Школьная дисциплина, правда, нѣсколько этимъ нарушалась, но за то все болѣе и болѣе упрочивались добрыя довѣрчивыя отношенія между учениками и ихъ наставникомъ.

Наконецъ всѣ обращавшіеся такъ или иначе были удовлетворены.

Въ классѣ наступила сравнительная тишина. Ѳедоръ Васильевичъ, какъ и всегда необыкновенно подвижный для своихъ лѣтъ, вызвавъ къ доскѣ двухъ гимназистовъ, Александрова и Клейна, принялся спрашивать ихъ урокъ, расхаживая въ то-же время по классу. Оба вызванные знали урокъ превосходно. Ихъ отвѣты, видимо, радовали старика. Онъ то и дѣло улыбался, похлопывалъ себя, по своей привычкѣ, по бедрамъ и довольнымъ голосомъ говорилъ:

— Такъ, друзья мои, такъ, такъ

Въ концѣ концовъ онъ увлекся самъ.

Къ отвѣтамъ присоединились дальнѣйшія поясненія; классъ, знавшій методу своего наставника, затихъ, всѣ внимательно прислушивались; урокъ вдругъ сталъ интереснымъ, даже лѣнтяи и шалуны сидѣли смирно, какъ будто увлеченные общимъ настроеніемъ товарищей.

Время летѣло незамѣтно.

Остановившись, Ѳедоръ Васильевичъ взглянулъ на часы. До послѣдняго звонка оставалось всего только четыре минуты.

— Ну, сегодня довольно мы потрудились, друзья! — сказалъ старикъ, — теперь я задамъ вамъ урокъ на слѣдующій разъ Сегодня-же

Съ этими словами онъ поднялся на кафедру и раскрылъ книгу для записи заданнаго.

— Сегодня же, — продолжалъ онъ, — вы меня утѣшили Если-бы мой третій классъ велъ себя всегда такъ, старикъ Іогансенъ былъ бы счастливъ

И вдругъ только что произнесено было послѣднее слово, Ѳедоръ Васильевичъ накренился влѣво всѣмъ корпусомъ и, прежде чѣмъ успѣлъ за что-либо ухватиться, вмѣстѣ со стуломъ тяжело упалъ съ помоста